

ГЛАВА 1

РОДСТВЕННИКИ

— Чвок! Чвок!

Интересно, существует ли звук столь же типично британский, как удар ивовой биты по кожаному мячу? На дворе ранняя осень, но дни уже кажутся холоднее, что, впрочем, бодрит и освежает. Со своего места в небольшой беседке я отлично видела игроков в белом, бегающих туда-сюда по небольшому питчу¹ между калитками. Ветерок донес до меня отдаленный вскрик: кто-то выбыл из игры.

Когда-то давно, еще до всех моих приключений, Джо, мой младший братик, пытался разъяснить мне превратности крикета. И хотя благодаря усилиям отца, считавшего развитие интеллекта важным вне зависимости от пола, латынь я знала хорошо, а греческий — сносно,

¹ Питч (*англ.* — pitch) — прямоугольная земляная площадка для игры в крикет, на которой установлены калитки. — *Здесь и далее прим. перев.*

разобраться в правилах крикета мне так и не удалось. Помню, во время объяснений я думала, что игра кажется все бессмысленнее и бессмысленнее, а это мне никогда не нравилось. Однако наблюдать за игроками было приятно. Напоминало то время, когда отец еще был жив и каждое лето выступал третейским судьей на приходских состязаниях. Воодушевленно направляясь к полю с весьма потертыми битами в руках, прихожане забывали даже о своих ссорах (а их было немало). Мистер Грегор, довольно-таки упитанный местный бакалейщик, в виде исключения болел за мистера Хейнли, почтальона. Прекращались даже споры, где лучшее пиво — в «Деревенской короне» или «Пустой бутылке». Во время игры царила спокойная, по-настоящему умиротворенная атмосфера, создавать которую помогали жительницы деревни своими хрустящими сэндвичами, пирогами и лимонадом. Понимание происходящего на поле только испортило бы момент.

Сейчас родной приход остался далеко, а отец почил уже два года как, после злополучной встречи с бараниной и луком. Кончина настолько плебейская, что моя мать, лишенная всех прав, но все же дочь графа, до сих пор ему этого не простила, я уверена. Не успели опустить гроб в землю, как епископ отобрал у нас дом приходского священника, выкинув маму, брата и меня в прямом смысле на улицу. Меня спасла

только неожиданно предложенная должность горничной в Стэплфорд-холле.

За следующие два года на мою долю выпали убийства, интриги, предложения руки и сердца от мужчин, считавших меня, согласно моим же утверждениям, только прислугой, и немало душевных терзаний. Я вела дневники обо всех этих приключениях, из них любопытные читатели могут многое узнать. Сейчас же достаточно сказать, что теперь я компаньонка моего бывшего недруга, Риченды Стэплфорд, чей жених Пуфик Типтон повесился прямо накануне их свадьбы¹. Считается, что, совершив убийство, он сам свел счеты с жизнью. На самом же деле куда вероятнее, что его убил брат-близнец Риченды. Симпатии Типтон не вызывал, и я во многом его подозревала, но доказательств так и не нашлось. В наш век господства денег и положения в обществе правосудие отходит на второй план. По правде сказать, в первый же свой вечер в Стэплфорд-холле я наткнулась на труп, а вскоре убили и самого владельца дома². Тогда мы с Бертрамом добились ареста Ричарда, но все вернулось на круги своя, и он стал членом парламента.

Со смертью Типтона Ричард снова одержал победу, но его сестра воспротивилась и спасла

¹ Читайте мои записки «Смерть на свадьбе».

² Эта история описана в записках «Смерть в семье».

меня от уже, казалось, неизбежного увольнения, взяв к себе в компаньонки. Правда, дело было не только в обиде на брата: Ганс Мюллер предложил Риченде свою защиту и убежище в собственном поместье, и компаньонка была попросту необходима. Мюллер учился с Ричардом и Типтоном в одной школе. Семью Стэплфордов знал давно и каким-то образом был связан с главным конкурентом банка Стэплфордов. Когда мы встретились в суде, я сначала приняла его за Фредерика, его кузена, что оказалось довольно несправедливо, так как, несмотря на семейное сходство, Фредерик старше и гораздо, гораздо дороднее. А тогда я просто подумала, что он прошел курс правильного питания для снижения веса.

С самого нашего приезда Ганс Мюллер был сама доброта, и я видела, как Риченда тает от такого отношения. Вдовец, с великолепным поместьем, построенным в 1900 году, мистер Мюллер был практически неотразим. Спустя одиннадцать лет поместье представало перед посетителями во всем блеске. Прелестные сады, множество слуг, отдельная башенка, возведенная специально для послеполуденного чаепития дам, даже для сбивания масла и сыра отдельное помещение из мрамора, шедевр современных технологий. Главный дом довольно внушительный, но не безвкусный. Роскошный зал для балов и банкетов бóльшую часть време-

ни, когда не используется, скромно (и очень по-британски) закрыт. Единственный недостаток Мюллера, кроме имени, которое он старается не упоминать, — его мать. Она, мягко говоря, эксцентрична. Ее супруг, немец, благопристойно покинул этот бранный мир до появления наших нынешних разногласий с Германией, но сама миссис Мюллер нередко ставит сына в неловкое положение. К несчастью для Мюллера, он, бесспорно, очень любит свою мать и поэтому не может воспользоваться привычным стэплфордским методом решения проблем и избавиться от нее.

Даже времена года здесь как будто бы мягче. Листья уже начали желтеть, а экзотическое растение, известное как «Ангельские трубы»¹, все еще цветет и вьется по беседке. Краска на дереве уже начала облупляться. Местный садовник должен будет привести все в порядок до холодов, если не хочет выговора за вопиющее пренебрежение обязанностями. Беседку также осаждают пауки, затянувшие паутинами все углы, — тем, кому довелось жить с таким младшим братом, как Джо, опасности подобное соседство не представляет, но любопытно, почему служанки здесь не прибрались. Вид на поле для крикета и южную лужайку за ним

¹ Цветок «бругмансия» также называют «Ангельскими трубами», от *англ.* «Angels Trumpet».

вызывает чувство умиротворения и покоя, чего я за эти два года не испытывала. Чудесное местечко, и тем удивительнее, что, кроме меня, здесь никого нет. Даже сами игроки в крикет предпочитают отдыхать и наслаждаться напитками и сэндвичами там же, на поле. Тем не менее в этом есть и положительные стороны: пока я сижу здесь, размышляя одновременно и о прошлом, и о своем неопределенном будущем, никто меня не беспокоит. Точнее, не беспокоил.

— Мисс! Мисс! — Люси, одна из служанок, врывается в беседку тяжело дыша, со сбитым набок чепцом. Миловидное юное личико покраснелось, из прически выбились светлые кудряшки, а ведь обычно аккуратнее и прилежнее горничной в поместье нет.

— Что произошло? — спрашиваю я, вставая. — Мисс Риченде нехорошо?

Признаюсь, беспокойство, прозвучавшее в моем вопросе, было вызвано также и собственной судьбой, а не только здоровьем Риченды. Тяжело относиться с любовью к нанимателю, который однажды запер тебя в шкафу.

— Повсюду вас искала! — хватая ртом воздух, выпалила Люси.

Я нахмурилась:

— Мне кажется, вполне естественно искать меня где-нибудь, откуда можно наблюдать за игрой в крикет.

— Весь сад уже оббегала, — несколько уязвленно отозвалась Люси. — И в голову не приходило, что вы тут сидите.

— Где? В беседке у поля для крикета? С отличным видом на питч?

— Никто сюда не заходит, — не сдавалась Люси. — После того что случилось с госпожой.

— Что... — начала я, но в этот раз Люси не дала себя перебить.

— Мисс Риченда немедленно требует вас в малую гостиную. Она принимает Даму.

В последнем слове безошибочно слышалась большая буква. Хоть Мюллер и успешный банкир, с представителями высшего общества знаком, визиты ему наносили немногие. Неудивительно, что неожиданная гостья так взбудоражила поместье. Любопытство взяло верх и надо мной.

— Показывай дорогу, — велела я Люси. — Но не так быстро, не хочу появиться там запыхавшейся.

— Но мисс Риченда требует вас уже полчаса!

Я посмотрела на Люси взглядом, натренированным за недолгое пребывание в должности экономки Стэплфорд-холла вместо миссис Уилсон, и девушка сдалась.

— Сюда, мисс, — произнесла она и двинулась в сторону дома почти нормальным шагом, нервно стискивая пальцы от досады и расстройства. Риченда еще месяца здесь не пробыла, а ее не-

КЭРОЛАЙН ДАНФОРД

простой нрав уже был известен всем слугам, а то и самому Мюллеру.

Люси наконец-то открыла дверь в малую гостиную. Риченда там практически мурлыкала.

При моем появлении она встала (что примечательно само по себе), тепло улыбаясь мне в знак приветствия. Я знала ее достаточно хорошо и заметила, что улыбались только губы, не глаза.

— Моя дорогая Эфимия! — воскликнула она. — Какая радость! Нас посетила дочь графа N, как раз к утреннему кофе!

С этими словами она представила меня даме, которую я до этого не видела из-за открытой двери.

Моей матери.

ГЛАВА 2

СВЕТСКИЕ УСЛОВНОСТИ

Надо отдать матушке должное — ее реакция была безукоризненной. Конечно же она знала, что я нахожусь в услужении, еще и под чужим именем. Но у нее были все основания полагать, что я сейчас очень далеко и выполняю обязанности экономки в Стэплфорд-холле. Учитывая недавние неурядицы, я решила писать домой пореже.

— Эфимия, — произнесла моя мать, подходя ко мне и протягивая руку. — Какое милое имя. Мою дочь зовут так же, но, боюсь, она стала несколько неуправляемой.

— Уверена, вы сможете исправить этот недостаток, — глупо улыбнулась Риченда. — Должно быть, она очень юна, с возрастом ее воспитание даст о себе знать.

— Я тоже так думаю, — согласилась матушка, выразительно глядя мне в глаза.

— Очень рада знакомству, — вежливо сказала я. — Не знала, что у мистера Мюллера такие

знатные соседи. Наверное, было бы слишком смело надеяться, что ваша дочь тоже присоединится к нам?

Несмотря на свою строгость, в чувстве юмора матушке не отказать, и смешливая искорка в ее взгляде мне не привиделась.

— Она совсем рядом, — ответила она. А затем, обернувшись к Риченде, добавила: — Сейчас я чувствую, будто она здесь со мной.

Беседа начала принимать опасный оборот, и я вмешалась:

— Вы живете в этом приходе?

Когда я в последний раз получала от нее известия, матушка обитала в арендованном коттедже довольно далеко отсюда и зарабатывала уроками игры на фортепиано. Ее учеников можно было только пожалеть.

— Я гощу у старого друга моего мужа, vicария этого прихода, мистера Чорли. Со мной приехал и мой младший сын. Его знания греческого наконец превзошли мои, а ведь я должна в ближайшее время подготовить его к школе, — коротко рассмеялась она. — Не то чтобы он горел желанием. Дай ему волю, он бы тоже стал неуправляемым. — Еще один выразительный взгляд в мою сторону. — Полагаю, сейчас садовник как раз показывает ему поместье.

Мысленно я вздохнула с облегчением. В самом деле повезло, что Джо с его любовью к крикету не нашел меня в беседке у поля. Он то-

же знал о моей маскировке, но кто бы захотел доверить свою безопасность малышу, способному обменять лучший мамин чайник на конский каштан, пусть и отменный?

— Как бы то ни было, — продолжила матушка, — я провела с вами восхитительное утро, леди Стэплфорд. Надеюсь, мы скоро будем иметь удовольствие принимать вас в пасторском доме, если вы почтите нас визитом. Мистер Чорли очень просил меня быть как дома. Он не женат и, думаю, отчасти рад женскому присутствию — кто-то должен управляться с прислугой и выбором блюд. Видите ли, викарий — младший сын герцога N. Он получил необычайно большой приход и сан каноника, но, боюсь, его семья очень разочарована, что сана епископа он так и не добился.

От этих светских новостей глаза Риченды заблестели. Я даже не сомневалась, что еще немного, и у нее слюнки потекут от восторга. Стэплфорды представляли собой новую аристократию, их титул впервые пожаловали отцу Риченды, и все они страстно мечтали попасть в высшее общество. Лично для меня ничего хуже и быть не может.

— Насколько я знаю, покойная жена мистера Мюллера канонику... хочу сказать, приходилась канонику сестрой? — спросила Риченда в попытке поддержать беседу.

— Полагаю, она приходилась сестрой его предшественнику, — совершенно спокойно, и